"Ты уже долгое время скрываешься от правосудия, не так ли?", - услышала я слова Эрика.
"Боюсь, теперь это закончится".

"Подожди, остановись!", - крикнула я на идиш, чуть не споткнувшись о собственные ноги, когда выходила из спальни. "Нам нужно..."

Тошнотворный треск оборвал все, что я собиралась сказать. Когда я наконец спустилась по лестнице и вернулась к входной двери, нацист был уже мертв, а лампа и кабель питания, с помощью которых Эрик совершил это преступление, уже дрейфовали на своем месте на полу в гостиной.

Я посмотрела на... труп, а потом на Эрика, который, похоже, только сейчас понял, что он не один.

Простым движением руки он подхватил труп нациста за пряжку ремня и положил его на диван, а другой рукой открыл входную дверь в дом.

"Нам пора идти", - сказал он. "Лучше, чтобы нас не видели рядом с трупом".

Мне хотелось просто стоять там. Стоять и смотреть на то место, где человеческая жизнь - ужасная, отвратительная, чудовищная, но все же жизнь - была уничтожена с той же тщательностью, с какой человек выносит мусор.

Стояла, смотрела и думала о том, какой выбор я сделала, что привело меня к тому, что теперь я виновна в соучастии в убийстве.

Оставили ли мы следы наших преступлений?

Захочет ли кто-нибудь попытаться найти нас?

Я подумала о кольце в своей сумочке, о кольце со значком Гидры, о кольце, которое я не успела показать Эрику, пока не стало слишком поздно, чтобы остановить его.

Кого знал этот человек? Неужели из нас только что сделали мишени?

Мне хотелось стоять. Но я не могла, потому что Эрик был прав: нам нужно было уходить.

И мы ушли, оставив после себя гниющего нациста.

Прошло семь или восемь минут, когда мы наконец выехали из жилого района и снова начали проезжать на красный свет. Прошло также семь или восемь минут, когда Эрик наконец соизволил прокомментировать, насколько я взбешена.

"Почему ты ведешь себя так, будто я сделал что-то плохое?" - спросил он. "Этот человек утратил право на жизнь давным-давно".

"И ты не мог подождать еще пять минут?", - огрызнулась я, не желая даже смотреть на него.

"Пять минут, пять часов, пять дней. Что бы это изменило?"

Мне хотелось закричать на него, накричать на него, что его незнание того, какую разницу он мог бы сделать, как раз в этом и заключалось.

Вместо этого я полезла в сумку, достала кольцо Гидры и положила его в подстаканник. Движением одного пальца Эрик поднял кольцо на уровень глаз, и когда он увидел его, то замер.

По крайней мере, до тех пор, пока гудок сзади нас не заставил его снова двигаться. Кольцо с грохотом упало обратно в подстаканник, и мы снова двинулись в путь.

"... Понятно", - сказал он, после того как мы проехали еще пять минут в тишине. "Скажи мне, что ты знаешь о значении этого символа?"

"Я знаю, что Гидра и нацистская партия были как-то переплетены", - сказала я ему. "Около десяти лет назад моих родителей попросили рассказать свои истории. Папа был в Освенциме, а мама - в Трешлинке, но оба они упоминали, что можно было определить, кто на самом деле важен, если они использовали "Гидру" вместо "Гитлера", - я пожала плечами, готовясь снова солгать. "Вот, собственно, и все. Достаточно, чтобы понять, что если этот человек прятал это, - я указала на кольцо, - на дне ящика, то, вероятно, он знал больше людей".

"И теперь мы никогда этого не узнаем, потому что я убил его", - закончил за меня Эрик.

"Да, и теперь, потому что ты не мог позволить правосудию, опоздавшему на сорок лет, продержаться еще пять жалких минут, кто знает, сколько еще их теперь на ветру", - я отвернулась от Эрика, чтобы посмотреть в окно, когда мы выехали из пригорода и вернулись в сам Портленд.

"Ты упомянула, что нашла кольцо в потайном ящике".

"И что с этого?", - спросил я.

"Было ли там что-то еще?", - Эрик бросил взгляд в мою сторону, но в основном сосредоточился на дороге. "Не думаю, что его кольцо было единственной вещью, спрятанной в ящике".

"Там был блокнот", - я потянулась в сумку и достала его, чтобы пролистать пару страниц. "Похоже, все на немецком".

"Тогда оставь его мне", - сказал он. "Я смогу расшифровать его содержание".

У меня не было ответа. Вместо этого я просто бросила блокнот в кожаном переплете в бардачок и снова замолчала. К счастью, Эрик был доволен тем, что молчание продлилось немного дольше.

"Еще в доме ты спросила, есть ли у меня план", - начал он, нарушив спокойную, хотя и напряженную тишину, установившуюся между нами.

"И?"

"У меня есть... зачатки плана", - признался он. "Он не доведен до совершенства и не имеет твердой основы. Моя конечная цель, как я уже говорил, - улучшение общества ради мутантов. Что же касается того, как этого достичь...", - он на мгновение запнулся. "Для того, чтобы мы вообще встретились, ты должна была быть способна сформулировать подход, а также обладать стремлением довести его до конца. Что бы ты могла предложить еще одному такому человеку?"

Я увидела, что эта тактика Эрика такова, какой она была. Он сначала намазал меня маслом, вероятно, пытаясь заставить меня воспринимать его более позитивно в ответ на то, как он, похоже, нашел меня. Но у меня были предвзятые представления о том, каким человеком был Магнето, и я придерживалась этих представлений задолго до встречи с ним. Он был примером трагической иронии, настолько решительно настроенный не допустить повторения трагедии своего народа, что вместо этого понемногу становился именно тем, кого ненавидел.

Проблема заключалась в том, что я не была уверена, с кем говорю. Говорю ли я с Магнето, лидером Братства мутантов, мутантом-террористом, готовым уничтожить весь остальной мир и пожертвовать некоторыми из своих сородичей, если бы это означало, что он сможет обеспечить будущее для большинства? Был ли это Магнето, для которого любая смерть мутанта, будь то на его стороне или против него, была трагедией, которой следовало избежать любой ценой, невзирая на человеческие жертвы?

Или это был кто-то совсем другой, и я просто еще не знала об этом?

В любом случае, мне нужно было что-то сказать. По крайней мере, мой ответ не изменится, независимо от того, с каким Магнето я буду говорить.

Поэтому я глубоко вздохнула, собрала с мыслями и ответила.

"Что ты знаешь об эффекте простого воздействия?"

Магнето насмешливо хмыкнул.

"Я спрашиваю мнение о плане действий, а ты так отвечаешь? Ты хочешь, чтобы я ждал? Просто ждать, что люди будут существовать рядом с мутантами, пока те не станут терпимыми к ним?"

"У тебя есть идеи получше?", - я бросила вызов. "В смысле, действительно, очевидно лучшие идеи? Потому что у меня их нет. Но если у меня нет, и у тебя нет, это не значит, что ни у кого нет. И вполне возможно, что у кого-то есть ответ прямо сейчас, а тебе и в голову не придет спросить его, потому что он не мутант".

Эрик ничего на это не ответил, по крайней мере, в течение некоторого времени. Несколько кварталов мы проехали в молчании, и только когда он свернул на левую полосу, то снова заговорил.

"Ты особенно настойчиво твердишь, что нам, мутантам, нужны союзники. Что мне нужны союзники", - сказал он, барабанил пальцами по рулю. "Кого же именно ты пытаешься мне навязать?"

"Хм? О, черт меня возьми, если я знаю".

Эрик отвернулся от дороги и уставился на меня.

"Что? Это не я ищу помощи для массового общественного движения. Это твоя работа".

"Ты меня бесишь", - сказал он со вздохом, направляя машину на левый поворот.

"Я юрист", - сказала я ему с ухмылкой. "Быть раздражающей - это половина моей работы".

Я всегда буду считать маленьким чудом, что мы расстались на (в основном) дружеских условиях.

Несмотря на то, что я дала ему свой номер, а он мне - свой, я ничего не слышала о Магнето в течение многих недель после нашей встречи.

А когда я все-таки услышала о нем? Ну...

ПОБЕГ ИЗ ФЕДЕРАЛЬНОЙ ТЮРЬМЫ!

ПРЕСТУПНИК-МУТАНТ ВИНОВЕН?

С первой полосы "Нью-Йорк Таймс", и это было не совсем то, на что я рассчитывала.

<http://tl.rulate.ru/book/105574/3901992>